

## ПРАВОСЛАВНЫЕ МОЛЕКУЛЫ

или как писателю говорить о Боге

Должен предварить мое выступление следующим образом. Я не богослов и то, что собираюсь высказать это всего лишь мой личный опыт, плод моих размышлений, как писателя. Я вполне допускаю, что могу ошибаться и что кто-то может со мной не согласиться, но тем не менее я рад возможности высказаться перед таким компетентным собранием.

Однажды какой-то благонамеренный господин, кажется после обеда, читал свт. Игнатию Брянчанинову оду Гавриила Державина «Бог». Свт. Игнатий, учитель современного монашества, записал в своём дневнике примерно следующее – Всё это плоть, плоть и плоть. Миряне, прошу вас, не пишите вы о Боге, пишите вы о своем, о мирском, я сам с удовольствием почитаю.

Встречал людей, которые говорили – я бы поспорил с о. Игнатием, но насколько я знаю, в Церкви не принято спорить со святыми. Нельзя сказать – а вот я лично не согласен со святителем Василием Великим. Можно лишь противопоставить его мнению мнение другого святого человека. И сказать – с этим я более согласен.

Насколько я знаю, есть такое установление в Церкви – «мирянин да не учит». Святые оптинские старцы говорили о литературной проповеди Николая Гоголя, что этот фонарь испускает и свет и тьму, так как он не вычищен, как должно. Простите, я цитирую все по памяти.

Но и Державин и Гоголь родились в православной среде и с детства знали храм Божий и Святое причастие и Священное писание. И тем не менее! Что же говорить о тех бардах, которые вчера только поднялись из рок-подвалов к вере, а сегодня уже играют и поют о Боге?

Говорят – а если сердце просит? А если сердце просит дописать Божественную литургию своими стихами, так что же? Поощрять это желание сердца? Сердце может много чего захотеть, но оно должно понимать, что над ним есть авторитет Церкви.

Ведь этот, поющий под гитару бард, не только невольно поучает слушателей, но и делится своим духовным опытом, которого пока просто нет. Или он может быть неправильным, что вполне понятно для новонаначального христианина. Как говорил старейший и очень опытный петербургский протоиерей Василий Ермаков об одном молодом монахе: «Он сам только вчера спрыгнул с дерева неверия, а сегодня уже пошел учить». Должен сказать, что отец Василий Ермаков (ныне покойный) был моим духовным отцом.

А если неопытное сердце хочет совершать великие подвиги, уйти в затвор или читать псалтирь в очень больших количествах? На это отец Василий говорил:

- Псалтирь? А ты откуда, мать?
- Я из Кронштадта.
- Ну, вот и читай «Мы из Кронштадта».

Не помню имя, к одному афонскому старцу пришла женщина и сказала: «Отче, мой сын ест только финики, повлияй на него». Старец сказал ей : «Приходи завтра». А завтра он сказал мальчику: «Ешь не только финики, но еще что-нибудь». Мать спросила: «Отче, а почему ты вчера ему это не сказал?» Старец ответил: «Потому что я вчера сам ел финики и мое слово было бы без силы».

Итак, человек, говорящий слово, должен сам жить по этому слову. Иначе, слово такого писателя, поэта или барда будет не только без силы, оно будет действовать обратным образом. Холод и пустота (и необжитость) этого слова будет отталкивать человека от Церкви. Я сам это не раз ощущал на себе практически, слушая некоторых православных поэтов или бардов.

Наш замечательный и великий композитор Валерий Гаврилин говорил, что искусство само по себе не спасет, но оно может подпитать твои силы на пути к спасению. Подпитать твою душу... А это ведь, такая помощь крайне важна! Это великое дело!

Читая моего любимого художника и одновременно писателя Константина Коровина, я чувствую, что душа моя именно питается

этим прекрасным светом, исходящем от русского мира, изображенного им.

А там ничего не говорится о Боге, о Церкви. Иногда упоминается, что в углу горела зеленая лампадка и все. А воздух – православный. Свет православный. Мир, который видит автор, – до самой последней молекулы православный. (Вот здесь, обратите внимание, и отозвались молекулы из названия этой моей статьи).

Или вот даже такой момент. Сидят охотники, рыболовы, правят крючки. Собрались закусить, Коровин говорит: «Василий, сбегай за вином, сейчас пост, водку-то нехорошо». Вася отвечает: «Полынную можно».

И я, как по мановению волшебной палочки, сразу оказываюсь среди этих людей. Это чудо! Среди живых русских людей. Потому что это правда. Потому что я сам столько раз слышал подобное среди художников, реставраторов, иконописцев, звонарей, сторожей и т. д. Это не святые, это обычные, но живые (!) люди.

Или возьмем Бориса Шергина, Ивана Шмелева («Лето Господне», «Богомолье»), там нигде нет прямого поучения, но – показана жизнь. И свет этой жизни. Свет души человеческой. И – русский дух, который нам сейчас (именно сейчас!) просто жизненно необходим.

Вообще, я думаю, что главное дело писателя – это постоянно возрождать национальный дух. Быть бардом, но не в современном смысле, а в смысле, в каком Михаил Юрьевич Лермонтов называл бардом Шотландии Вальтера Скотта. Как человека, который имеет особое отношение к ДУХУ нации и выражает этот ДУХ.

И детей приводить к православию, я глубоко убежден, надо именно через НАЦИОНАЛЬНОЕ. Не надо их сразу обучать догматам веры. Это их оттолкнет. Сказки, былины, рассказы о важных моментах истории – вот что нужно, особенно в начале жизни. Надо показать КРАСОТУ Родины.

Я преподаю живопись и рисунок, и ко мне приходит много молодых. Среди них много прекрасных, чистых людей, но... по мироощущению они все нерусские. Они слушают только западную музыку, смотрят

только западные фильмы и из этого строительного материала они состоят и на это они ориентируются. И так по всей стране...

И трудно их за это упрекать. Мы ничего не можем противопоставить Западу на культурном фронте. Наш кинематограф, мягко говоря, проигрывает в своем качестве. И православный и неправославный. И не потому что русский человек не талантлив, нет! Но нашему таланту очень трудно пробиться сквозь мутную пену, окутавшую наше кино и вообще наше искусство.

Испытываешь вечное раздражение – да где же талантливый человек? Перевелся он что ли на Руси? Не пора ли искать его, как утерянный БРИЛЛИАНТ, и, найдя, поставить его на свещнице, дать ему зеленую улицу. Хранить его, как зеницу ока. Как, например, в Дании ценили своих больших художников? Андерсена, Антона Пика? Им чуть ли не при жизни памятники ставили. Ведь это национальное достояние!

Культура - это защита нации, ее оружие и ее сокровенная ЖИЗНЬ. Вера и культура, рожденная этой верой. И вот нам в этой связи очень нужны новые Шукшины, и совсем не нужны Кириллы Серебрянниковы.

Какой-то гитарист из группы Роллинг Стоунз сказал: «Мы победили (имеется в виду – Россию) не пушками, а электрогитарами. То есть это война. Война, в которой оружием является культура. Или можно сказать война культур. Итак, культура (национальная культура) имеет колоссальное значение ДЛЯ ВЫЖИВАНИЯ НАЦИИ.

Почему боксеры перед матчем свирепо смотрят друг другу в глаза? Сначала надо соперника победить морально, а потом физически. Сначала побеждает культура, а за ней идут войска. Победила французская культура – пришёл Наполеон. Сейчас нас победила американская массовая культура, и мы видим, что происходит...

Мы, надо сказать, не занимаемся своей собственной культурой. А это преступление перед народом! Большие русские писатели Борис Шергин и Степан Писахов – вообще неизвестны широкой публике. А это жемчужины России! Широко ли известен гениальный и подлинно народный художник Ефим Честняков? Который когда-нибудь

возможно станет местночтимым святым. Есть его почитание в народе. От его источника и его вещей происходят исцеления.

Кто-нибудь знает его? А ведь он ничем не хуже Николо Пиросмани. Однако того все знают, а этого никто. Исполняется ли где-нибудь музыка русских гениев самой высочайшей пробы, вселенского масштаба – композиторов Георгия Свиридова и Валерия Гаврилина? Крайне редко. А о них надо кричать на всех углах. Проводить фестивали, исполнять везде и всюду.

Как писал Георгий Свиридов, свода русских народных песен у нас нет. Практически не осталось и русских хоров! Это без преувеличения является национальной катастрофой.

Я долго жил в Петербурге, потом под Петербургом, и, помню, в праздник малые народности собирались и пели свои древние национальные песни. Карелы, например. А для русских людей был (и, наверное, сейчас есть) безликий и безнациональный, бессмысленный и скучный до невероятности так называемый карнавал.

То есть РУССКИЕ не поют своих песен. Для них звучит попса. Как говорил тот же Георгий Свиридов: давно уже русский человек поет чужие песни и пляшет под чужую дудку.

Кто-то сказал, что англичане в период европейских революций состояли из традиционных английских сказок, и это спасло их от всеобщего европейского безумия. И это прекрасно! Прекрасно!.. А из чего состоит сейчас наш народ? Из Гарри Поттера и Уральских пельменей?

Помню, писатель Виктор Астафьев и Николай Рубцов, наш великий поэт, ехали на каком-то малом пароходике и слышали, как старухи на берегу поют: «Ты плыви наша лодка, плыви... сердцу хочется ласковой песни и хорошей, большой любви». Рубцов сказал: «Забыли старые песни и поют всякую киношную чепуху». Привожу по памяти.

Мы тоже должны бы состоять из наших сказок и былин. Мой дед, Кондрат Белов, был большим художником и самобытным, народным сказочником. Чудесное впечатление моего детства! А русские

народные сказки в книжках мне гораздо меньше нравились, и я не мог понять почему.

И вот, однажды я услышал по радио настоящую русскую сказительницу. Это было наслаждение! Огромное! Тогда я понял, что доброхоты, которые записывали народные сказки, записывали только голый сюжет. Скелет сказки. Магнитофоном-то не было. А все присказки и словечки и замечания рассказчика (что драгоценно, ибо в этом национальный характер) остались за бортом.

Видимо, в нашей сказке важен не только и не столько сюжет, сколько личность рассказчика, его жизненный опыт, аромат его, в котором скопился, сконцентрировался русский дух. А этот дух создан православной верой. А еще природой, деревней, пейзажем нашим. Вот это надо давать детям. Через этот мир они и придут и к вере.

Только мир этот должен быть очень интересным! Очень красивым! Не уступающим никому! Тому же Диснею. Вот для этого очень нужен тот самый ТАЛАНТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК, без которого ничего не выйдет. Ничего! Он бесценен! Не зажжется огонек без этой его Божественной ИСКРЫ. Ничего не начнет расти, ничего не начнет двигаться и ЖИТЬ. А как говорил Федерико Феллини, в искусстве самое главное и самое трудное – это насыщение ЖИЗНЬЮ.

А он приходит к нам, возможно без диплома. Возможно, не аккуратно причесанный. И, как правило, совсем не солидный. И мы смотрим на него свысока – ну, что он может нам дать? – как некоторые московские писатели свысока смотрели на простеньких Валентина Распутина и Николая Рубцова.

Вот, к примеру, в православных детских центрах и на серьезных киностудиях умные люди снимают христианские притчи. Вроде бы делают доброе дело. Но притчи... это особый жанр, он не имеет к реальной бытовой жизни прямого отношения. Отсюда сплошные натяжки, нереальность и скука происходящего на экране. И я не удивляюсь, что мои знакомые священники, смущаясь и улыбаясь, говорят: «Извините, я не люблю православное кино».

Простите, немного отвлекся на кинематограф, но все это все-таки связано с литературой, со словом, как основой всего. Вот я думаю – правилен ли этот термин - «православное искусство»? Может быть, это просто должно быть искусство. Но подлинное искусство. С большой буквы. А делает его православный человек. И это видно по всему. По его видению жизни.

Не загоняем ли мы себя в культурное гетто, пытаясь творить специфическое, особое «православное искусство»?

Есть такая известная поэтесса ... духовная дочь митрополита Антония Сурожского, она писала стихи и рассуждала – надо как-то так или иначе привести все к христианскому смыслу и выводу, я же православная...

Но был здесь внутренний конфликт – логики стиха и логики человека, на что владыка Антоний сказал: Запрещаю! Запрещаю ломать внутреннюю структуру произведения ради того, чтобы выразить мысль, которую и без тебя все знают! (Привожу по памяти).

И действительно, это все можно прочесть в Священном Писании. И несравненно лучше. Как бы ни был хорош Пушкин, его «Пророк» и переложение молитвы Ефрема Сирина даже очень отдаленно нельзя поставить с величайшими, огненными, светящими нам в нашей земной ночи словами Священного Писания.

Подлинная поэзия – это, на мой взгляд, – подсознание автора, и первая строчка выдыхается сама. Это выдох. И автор сам не знает, почему он это сказал. Поэтому он часто и говорит, что стих умнее его. Восемьдесят – девяносто процентов – это подсознание, и десять – двадцать процентов – завершающая работа ума.

И попытка подсунуть туда «идеологически правильную» мысль ломает этот хрупкий, хрустальный организм. Стихотворение умирает, так как оно не выносит малейшей неискренности.

Есть, встречаются простые, очень незатейливые стихи православных подвижников. Отца Николая на острове Залит, архимандрита Павла (Груздева). Вот они прекрасны. Искренни и очень просты. «Господи

помилуй, Господи прости...» Это и есть выдох. «Помоги мне, Боже, крест свой донести».

Многие русские подвижники, старцы, кстати говоря, любили слушать простые народные песни, где часто нет ни слова о вере, о Церкви. Новоначальные же «православные авторы» пишут или точнее конструируют сладкие песни о церковных луковках. Отсюда один шаг до сегодняшних сладких, пошловатых открыток к церковным праздникам в интернете.

Они исправляют «идеологически неверные» сроки великих поэтов. Например. У Николая Рубцова сказано:

Выпал снег и все забылось,  
Чем душа была полна,  
Сердце проще вдруг забилося,  
Словно выпил я вина.

Последнюю строчку исправили:

Сердце проще вдруг забилося,  
Церковь чудная видна.

Все сразу стало неорганическим, неживым, но главное - «идеологически верным», «приличным». Хорошо, что не исправляют Евангелие, где апостолы за трапезой пьют вино.

Поэтесса Надежда Павлович, духовная дочь преподобного Нектария оптинского, спросила - печатать ли ей в сборнике стихи, которые она писала до того как пришла к вере или нет? Стихи вполне мирские, не слишком благочестивые. Он благословил печатать все, так как тут виден путь души. Он не оставил только «правильные» стихи.

Нельзя все подчистить, все ошибки, колебания и т. д. тогда не будет живой жизни, не будет правды. А без правды нет искусства. Пусть эта правда будет не всегда и не всем удобна. Но надо же жить в реальном мире, а не в потемкинской деревне.

Человек не может жить, не украшая окружающий мир орнаментом, не украшая его песней, стихом, сказкой. Это его естественная



потребность, это нам осталось от Адама в раю – возделывать САД. Садик.

Это и психотерапия народа. Особенно песня! Это и глубокое утешение и избавление боли душевной. (Помните, как у Чехова, где-то женщина пела, но было ощущение, что поет сама степь. Поет о том, что она не виновата ни в чем, она хорошая, это солнце ее иссушило...) Каждое действие русского народа всегда сопровождалось высочайшего уровня народной поэзией и мелодией... музыкой... Это создавало и порядок и чин и стройность жизни. И художник, кстати, должен тоже (я говорю своим ученикам) бороться против хаоса, упорядочивать жизнь, вносить в нее стройность.

И молитва православная и Священное писание это ведь тоже поэзия и поэзия высочайшего уровня, выше которой я не знаю. Она питает своей красотой подлинный русский язык. Оплодотворяет, оживляет. Каждое утро и вечер верующий человек делает себе эту прививку высочайшей поэзии!..

Я часто сталкивался с мнением в церковной среде, что литература нужна только, чтобы довести до дверей храма, а дальше ее и не надо вовсе. И я так думал когда-то. Раздал все книжки, даже Есенина и Кольцова. А потом стал снова собирать. Понял, что мне нужна и картина на стене, и книга у кровати, и иногда какой-то хороший фильм или передача.

Помню, к отцу Василию подходит женщина:

- Батюшка, я телевизор на помойку выкинула! Дети говорят, что я с ума сошла!

Отец Василий:

- Да, ты дура... Кое-что можно посмотреть, я и то новости смотрю.

Хочу здесь вспомнить о Василии Шукшине. Фильм «Калина красная. Не думаю что он сознательно это делал... но все основные моменты фильма» происходят в храме...

Тюрьма, откуда его выпускают, находится в северном монастыре, из тюрьмы он плывет по искусственному морю, из которого торчат тела

колоколен затопленной страны, «малина» воровская собирается в заброшенном храме... и покаяние его происходит на фоне разрушенной белой русской церковки в окружении зеленых берез. И умирает он, в бреду пытаюсь говорить о Боге...

И так много человек смог сказать в советское богоборческое время. Сказать-то ладно, люди и так многое знают, но ОБРАЗЫ... Они глубоко воздействуют на душу. По-моему это – православное искусство. Потому что душа здесь – христианка.

Я думаю, самое глубокое познание у нас, людей, если не считать прямого откровения Божьего, происходит через художественный образ. Не зря наш Спаситель так много образов предлагает в Святом Евангелии.

Искусство воздействует на мир, возможно не меньше, чем мир на искусство. Мирный образ в искусстве учит миру, добрый учит добру. И через ум, но главное - через подсознание. Я в своем искусстве (и как художник и как литератор) пытаюсь создать мир, в котором нет и не может быть зла.

Я стремлюсь создавать миры, в которых человеку хотелось бы жить... прекрасные миры, русские миры... сказочные миры... где бы он чувствовал себя в безопасности - как в ладошке Божьей, отдыхал от вечной тревоги и напряжения. От злобы мира. Успокоить его. Погладить по голове. (Возможно, его давно никто не гладил по голове). Сказать ему добрые, правдивые, очень ласковые слова.

Мы, наш внутренний мир, состоим из образов. Мы состоим из Винни-Пуха, Евгения Онегина, Маугли, Шерлока Холмса, Дон Кихота... Маленького принца... Это строительные кирпичи нашей души, и эти кирпичи должны быть светлыми, добрыми, прекрасными.

Они нужны нам каждый день, они нужны нам всегда. Они могут стать необходимейшей помощью и подпиткой нашей души на пути спасения. Человечество никогда не жило, и не может жить без искусства слова, без поэзии. Правда, уровень этой поэзии все время понижается. Как сказал Антуан де Сент Экзюпери – «Если бы мы

услышали народную песню 15 века, мы бы поняли, как низко мы пали».

Конечно, это прекрасно, если среди литераторов будет больше и больше православных людей, но, я думаю все-таки... не должно быть прямого поучения в их творчестве, они не должны прямо говорить о Боге, но – через ОБРАЗЫ, через Его творение.

А если писатель захочет все-таки что-то сказать людям о Боге, то его устройство в этот момент должно быть такое, какое было у Ньютона, когда он произносил Имя Божье. Перед тем, как произнести Имя Божье, Исаак Ньютон вставал и снимал шляпу.

Возможно в этот момент на него и упало яблоко.